

Вечерний звонок
Александр МИТТЕ

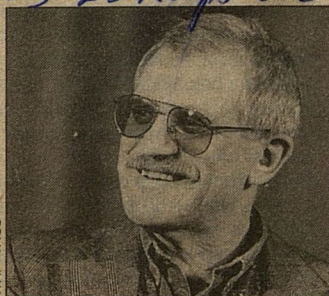
Довженко был большой философ

известия - 2003-25 марта - с 16.
— Александр Наумович, расскажите о самом драматическом периоде вашей жизни.

— Этот период наступил, когда в стране произошел радостный перелом, когда сломался режим. Казалось бы, надо радоваться. Я ощутил, что происходят революционные изменения, и понял, что не готов к тому, чтобы вписаться в новую жизнь, что мне нечего сказать. Мы ведь были клиентами государства и очень виртуозно лавировали в лабиринтах дозволенного и недозволенного. Диссидентство в кинематографе было совершенно невозможно. Все было под контролем — каждый день, каждый час, каждая страница сценария, каждый метр пленки. Кроме того, рухнули все иллюзии. Был миф, что кино помогает делать нового человека. Писатели — инженеры человеческих душ, мы делаем нового зрителя! Вся эта чушь лопнула как мыльный пузырь! Оказалось, мы только развлекаем. Потому что это и есть функция искусства. И сразу на первое место вышли клоуны, великие клоуны — такие, как Гайдай, к примеру. Режиссеры с жизнерадостной энергией. Я вдруг понял, что не вписываюсь. Там я понимал, что я говорю, с кем я борюсь... И решил: хватит, отработал свои 30 лет, пора менять профессию.

— И вы стали педагогом.

— Приобрел имя, международную известность. Сначала поехал в Америку, потом в Германию. За годы, пока преподавал, у меня созрело понимание того, чем я могу быть полезен. Я сказал об этом не для пафоса. Дело в том, что у меня был пример. Им стал самый главный человек в моей жизни, который сильно повлиял на меня, — Михаил Ильич Ромм. Он в своей жизни совершил именно такой зигзаг, но гораздо достойнее, чем я. Когда он решил, что не будет сни-

ИТАР-ТАСС

мать, что навалял много картин, которых ему не следовало делать, он просто стал руководить мастерской на «Мосфильме».

— Но у вас же было все в порядке, у вас были хорошие картины, вам давали работу...

— Да, у меня практически проблем не было. Проблема была с тем, что и кому сказать. Другие режиссеры проще вписывались в новые условия или делали вид, что ничего не происходит. Я так не мог.

— Кто еще оказал на вас большое влияние?

— Очень сильно на меня повлиял Александр Петрович Довженко, который сейчас практически забыт. Его фильмы не показывают — они не собирают рейтинга. Хотя его картина «Земля» была основоположницей мирового поэтического кино. Он первый в отечественном кинематографе снял обнаженную актрису, которая мечется в отчаянии. В этом фильме, кстати, красота обнаженного тела связана не с эротикой, а с первозданным человеческим горем — она такая красивая, сильная, могла бы рожать детей, но остается одна. Короче говоря, Довженко был большой философ. И для меня встреча с ним стала просто ошеломляющей. До того я лишь читал литературу, которая говорила совершенно другим языком.

Татьяна ВЛАДЫКИНА